ДЕНИС ГРОМОВ

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ

ОГНЕННАЯ ДУГА

КНИГА 2

Денис Громов

Прямой наводкой. Огненная дуга

«Тайниковский»

2026

Громов Д.

Прямой наводкой. Огненная дуга / Д. Громов — «Тайниковский», 2026

Год назад он не знал, что такое торфяник. Теперь он знает про свою машину всё — и всё это бесполезно, потому что на той стороне выкатили железо, которое не берёт ничто.Двести миллиметров лба. Восемьдесят по борту. Пушка, достающая на два километра. А у него — семьдесят шесть миллиметров, броня в палец и один подкалиберный снаряд на всю машину.Пятое июля. Поныри. Двенадцать суток, за которые надо не победить, а устоять.И где-то напротив сидит человек, который полгода назад обвёл его машину на своей карте, а теперь научился всему, чему научился он сам.

© Громов Д., 2026
© Тайниковский, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Денис Громов
Прямой наводкой. Огненная дуга

Глава 1

Приказ пришёл двадцать девятого мая, и Гуревич, дочитав, выругался вслух. Ругался он редко: за полгода я слышал от него такое раза три, и каждый раз по делу.

— Что там? — спросил Ситников.

— Мы уходим, товарищ подполковник.

— Куда уходим? — переспросил Ситников.

— А вот этого не написано, — Гуревич ткнул пальцем в бумагу. — Написано: сдать участок, сосредоточиться в районе погрузки, быть готовыми к переброске по железной дороге. Станция назначения будет объявлена в пути.

Ситников взял листок и прочёл сам. В штабной избе нас было трое: я зашёл туда с ведомостью по наработке, той самой, что каждый месяц уходила Загорскому, и попал под самое начало.

— В пути, — он поднял глаза от листка. — Значит, далеко.

— Да уж не за Ладогу, — Гуревич снял очки и стал их протирать.

По тому, как долго он тёр стёкла, я понял, что он вспоминает свою карту и наш разговор в апреле.

— Бортник, а ты помнишь, что я тебе говорил про лето?

— Помню, товарищ техник-лейтенант. Вы говорили, что нас туда не пошлют.

— Вот, — он надел очки обратно. — Запомни этот день. Сегодня я в последний раз в жизни что-то предсказал.

* * *

Участок мы сдавали трое суток, и, когда начали считать, оказалось, что за полгода вросли в него глубже, чем думали. На позициях оставались две землянки, вырытые в апреле, с настилом из немецких дверей, которые Федя выменял неизвестно у кого. Ремонтная яма с накатом. Баня, настоящая, рубленая, её хозвзвод поставил в мае из разобранного сарая. Кухня с печью, обложенной кирпичом от разбитого дома. Погреб. И огород.

Про огород я забыл совсем, а он был: восемь грядок, посаженных в начале мая, и к концу месяца на них уже пошёл лук и поднялась картошка.

Федя стоял над грядками, уперев руки в бока.

— А с этим чего?

— Оставим, куда ты его денешь.

— Кому оставим-то? — потребовал Федя.

— Кто придёт, тот и съест.

— Я, между прочим, три раза полол, — он не двигался с места. — И воду с речки носил, за полверсты.

— Знаю, Федь.

— Да понял я, — он махнул рукой. — Просто обидно.

Он походил ещё немного, потом присел и выкопал два куста, самых больших, с уже завязавшейся мелочью, завернул их в тряпку и унёс в машину. Я его не остановил. Эти два куста доехали с нами до Курска, где их немедленно сожрала жара, и Федя потом два дня ходил мрачный, будто у него кто-то умер.

* * *

Участок у нас принимал сменщик, такой же отдельный самоходный полк, только новенький, из формировки, весь на СУ-76М, с людьми, которые ещё ни разу не воевали. Их командир, майор с орденом Красного Знамени за финскую, обошёл позиции и остался доволен.

— Крепко сидите, — заметил он Ситникову.

— Полгода уже, — ответил тот.

— И как тут?

Ситников подумал.

— Мокро, товарищ майор.

— И всё? — переспросил майор.

— И немец наверху. Вон на тех горках, он там с сорок первого. Вы на них не ходите, у вас не получится.

Майор чуть напрягся.

— Прикажут, так пойду.

— Вот когда прикажут, тогда и пойдёте, — отрезал Ситников. — А сами не лезьте. Я туда четыре раза ходил. Это, товарищ майор, не трусость, это арифметика.

Их механики ходили за мной хвостом. Я показывал им торфяник: где держит, где нет, как читать снег, которого уже не было, и траву, полезшую вместо него. Показывал наши вешки, тысячи полторы досок, натыканных по всему участку за пять месяцев.

— А зачем их столько? — спросил один.

— Чтоб вы знали, где ехать, — пояснил я.

— А если сдвинутся?

— Не сдвинутся, они вбиты.

Он оглядел поле, утыканное серыми обломками, и почесал в затылке.

— Товарищ сержант, а правда, что тут у вас за раз четырнадцать машин утонуло?

Я подумал, как бы ответить, чтоб и не напугать, и чтоб запомнил.

— Правда. Четырнадцать из семнадцати, двенадцатого января. И знаешь почему?

— Лёд не выдержал?

— Потому что никто не сходил и не посмотрел, — ответил я. — Всем некогда было.

* * *

Грузились мы третьего июня, ночью, на станции Жихарево. Погрузка самоходного полка на платформы — отдельная наука, и я её к тому времени знал: заезжать по аппарели строго прямо, не доворачивая, потому что борт низкий, тормозить заранее, крепить растяжками крест-накрест, а под гусеницы ставить деревянные упоры на скобах.

Двадцать третью я, как всегда, загонял сам. Когда она встала, я вылез на платформу и впервые за полгода увидел её вот так, снизу, при свете фонаря, целиком.

Она была страшная. За зиму и весну я это как-то упустил: каждый день в ней сидел, и казалось, что машина нормальная, разве что потрёпанная. А на ней живого места не было. На лбу четыре вмятины. Левый борт как решето, только не пробитое: сорок восемь отметин от пуль и осколков, каждая с ободком сорванной краски, и вокруг каждой облезла побелка и пошла ржавчина. Правое крыло погнуто и в двух местах прихвачено. В рубке одна сквозная дырка, аккуратно заваренная, тоже Валей, ещё в феврале, когда мы её заметили. Уширители держались все до одного.

— Ты чего там? — окликнул снизу Федя.

— Смотрю на неё.

— Опять? Чего ты там не видал? — фыркнул Федя.

— Федь, а ты давно на неё снаружи глядел?

Он подумал.

— Дак я на ней езжу.

— Вот и я о том же.

Он влез на платформу, встал рядом и долго молчал.

— Ух ты, — протянул он наконец. — А она у нас, оказывается, вся битая. Я-то думал, это грязь.

Лукич появился бесшумно, как всегда: ходил он тихо, не по-стариковски.

— Ну вот, — он оглядел машину от катков до рубки. — Теперь можно и в дорогу.

— Почему это теперь? — поинтересовался Федя.

— Потому что поглядели вы на неё. Лошадь перед дорогой тоже обходят. Не для лошади, милый, для себя.

* * *

Эшелон ушёл в четыре утра: двадцать одна платформа, три теплушки, кухня и две зенитки на открытых площадках, в голове и в хвосте.

Ехали мы в теплушке, но я половину дороги просиживал у машины: внутри было тесно, душно и накурено, а на платформе гулял ветер. Я сидел на броне и смотрел, как уходит назад Волховский фронт. Сначала долго, километров сорок, тянулось болото. Потом пошёл лес, не битый, а целый, и зелени в нём было столько, что резало глаза. Потом деревни, не сожжённые, с домами, с бабами у колодцев, с ребятишками, которые бежали за составом и махали. Первую такую я разглядывал минуты три и не мог понять, что в ней не так.

Она была живая. Я за полгода отвык.

— Кувалда! — крикнул снизу Федя. — Слазь, каша стынет!

— Иду, иду, — отозвался я.

— Ты чего там всё время торчишь?

— На деревни гляжу.

— Опять уставился, — сообщил Федя кому-то в теплушке. — Он у нас теперь всё глядит. Головой болеет, наверно.

* * *

Ехали мы одиннадцать суток, и это были самые странные дни моей второй жизни. Эшелоны с техникой гоняли по ночам и по особому графику, так что мы больше стояли, чем двигались: за сутки выходило то полтораста километров, то сорок. И всю дорогу нас никто не бомбил. Как я потом узнал, это было чистое везение, по соседним веткам в те дни доставалось крепко.

Первые трое суток полк отсыпался. На передовой нормально не спят, и дело не в том, что не дают: там вечно что-то стучит, кого-то поднимают, и просыпаешься на каждый звук, потому что он может оказаться тем самым. Мы так прожили полгода. А в эшелоне спать было можно, и люди валились где придётся, спали по четырнадцать часов, просыпались, ели и снова ложились. Ситников смотрел на это и не мешал.

На четвёртые сутки начали оживать. Появились самодельные карты из газеты, разговоры, песни, и, конечно, вылезла гармонь Дрозда, на которой теперь играл парень из второй батареи по фамилии Чуб. Играл он куда лучше прежнего хозяина. Я слушал и думал, что Дрозд знал одну песню и выдавал её, как швейная машинка, и этот стрёкот я помню до сих пор, а Чуба забуду через год.

Так и вышло.

* * *

На шестые сутки мы поняли, куда едем. Командование молчало, и Ситников, по-моему, до самого конца ничего не знал, так что догадались мы по станциям. Сначала стало ясно, что везут на юг: пошло тепло, потом жара, потом другая земля, чёрная, жирная, не наша северная. Потом пошли названия, которых никто из нас в жизни не слышал и которые, как выяснилось, все запомнили навсегда.

На одной станции, не помню какой, мы шесть часов простояли в отстойнике рядом со встречным санитарным. Оттуда выгружали раненых и перекладывали на подводы, и это шло час за часом, а носилки всё не кончались.

Федя пошёл поговорить с санитарами, он всегда так делал. Вернулся минут через двадцать и сел на край платформы.

— Кувалда, слышь, — позвал он.

— Чего тебе? — откликнулся я.

— Они говорят, впереди большое дело будет.

— Кто говорит?

— Да все. Сестрички, раненые. Войск, говорят, нагнали, не проехать, и немец готовится. А место там такое… — он поискал слово. — Ну как мешок. С трёх сторон немец, а посерёдке мы.

Я смотрел на подводы. Курский выступ. Вот оно.

— Кувалда, ты чего молчишь?

— Думаю вот.

— О чём думаешь-то?

Ответить ему я не мог. Через три недели с небольшим там начнётся самое большое танковое сражение войны. Немцы ударят под основание выступа с двух сторон, девятая армия Моделя пойдёт с севера на Поныри и Ольховатку, и её остановят на четвёртый день, положив столько народу, что цифру я даже приблизительно не помнил. Всё это уже решено и расписано, и ни один человек в эшелоне, кроме меня, про это не знает.

— О бабах, — соврал я.

Федя посмотрел на меня с уважением.

— О! Это по-нашему. А то я уж думал, ты опять про железо.

* * *

Выгрузились мы пятнадцатого июня на маленькой станции, имя которой всё равно ничего не скажет. Важнее другое: до переднего края было двадцать километров, фронт назывался Центральным, и с первой же минуты стало ясно, что война тут другая.

Первое, что я увидел, была пыль. Она стояла над дорогами не облаком, а столбом и не оседала, потому что колонны шли по ним круглые сутки.

Второе — плотность. На Волхове мы привыкли, что людей и техники мало и всё размазано: батальон на километр, три радиостанции на полк, снаряды по счёту. Здесь мы шли двадцать километров и всю дорогу видели войска, в балках, в рощах, под каждым бугром. Артиллерия стояла батареями, стволом к стволу, и не сорокапятки, а настоящие, дивизионные и корпусные. Зенитки. Танки под сетками. Склады, санбаты. За один переход я насчитал девять артиллерийских позиций и бросил.

— Ох ты ж, — Федя высунулся из люка. — Кувалда, а это чего, всё наше?

— Наше, Федь, — подтвердил я.

— Неужто столько?

— И ещё больше, где не видно.

Он присвистнул.

— Так мы ж их тогда шапками закидаем!

— Не закидаем, — возразил Лукич.

— Это почему? — не сдался Федя.

— Потому что у них, небось, тоже не меньше, — объяснил старик. — Иначе зачем бы нам столько.

* * *

Полк поставили в лесу, в семи километрах от переднего края, и первым делом приказали окапываться, причём не маскироваться, а рыть всерьёз, и я сначала не понял зачем.

— Товарищ подполковник, а самоходкам-то окопы на что? Мы же манёвренные.

Ситников посмотрел на меня.

— Ты карту видел, Бортник?

— Никак нет.

— И не увидишь, — он присел и разровнял землю ладонью. — Смотри. Вот линия фронта, вот мы.

Пальцем он провёл за нами вторую черту, потом третью, четвёртую.

— А за нами ещё оборона. И за ней. И за ней.

— Сколько их всего?

— Не знаю, — признался Ситников. — Шесть, говорят. Или восемь.

Я смотрел на чертёж, и под ложечкой холодело. Шесть полос обороны.

— Товарищ подполковник, а зачем нам шесть полос, если мы наступать собираемся?

Ситников поднялся и отряхнул колени.

— А мы не собираемся. Мы, сержант, собираемся ждать.

Он пошёл было, потом обернулся.

— И это, между прочим, первый раз за всю войну. Первый раз мы не лезем, а сидим и готовимся. Я двадцать лет в армии, такого не помню.

* * *

Окапывались мы девять суток, по двенадцать часов, в чернозёме, который днём каменел, а в дождь лип к лопате, как клей. Отрыли капониры на все двадцать машин, с аппарелями и обваловкой, щели для людей, блиндаж под боеприпасы, ходы сообщения. Запасные позиции, по две на машину, в трёхстах и в шестистах метрах в стороне. И ещё ложные.

Вот это было новое: сколоченный из жердей каркас, обтянутый мешковиной, с бревном вместо ствола. Издали и с воздуха — самоходка. Мы сделали одиннадцать штук.

— Товарищ техник-лейтенант, а зачем столько? — допытывался у Гуревича Зуев.

— Затем, Паша, что по ним будут бить.

— А если не будут?

— Тогда будут по нам, — пояснил Гуревич.

Зуев подумал.

— А чего мы тогда все не ложные?

Гуревич посмотрел на него поверх очков, тем самым взглядом, каким в декабре смотрел на меня.

— Вот из-за таких вопросов я и не ухожу из армии.

* * *

Двадцать четвёртого июня пришло пополнение: двадцать шесть человек и полдюжины машин, все СУ-76М, новые, с открытой рубкой и двигателями в затылок. Привёл их старший лейтенант с рукой, которая не разгибалась до конца.

Я увидел его через головы и сначала не поверил. Он стоял у головной машины, держа планшет в правой, а левая висела вдоль тела странно, чуть вывернутая, с полусогнутыми пальцами. Он похудел, и лицо стало другое, уже не мальчишеское, как в феврале, а заострившееся.

— Товарищ подполковник, старший лейтенант Тарасюк с пополнением прибыл, — доложил он.

Ситников молчал секунды три.

— Ваня, — выговорил он наконец. — Ты откуда?

— Из Горького, товарищ подполковник, из запасного полка. Попал туда после госпиталя, три месяца сидел. А как узнал, что полк перебрасывают, написал рапорт.

— Сколько рапортов? — уточнил Ситников.

Тарасюк поскрёб щёку.

— Девять, товарищ подполковник.

Я протолкался вперёд. Он увидел меня и тоже узнал не сразу; только потом до меня дошло, что за полгода я изменился сильнее, чем думал.

— Кувалда, живой! — выдохнул он.

— Товарищ старший лейтенант.

— Сержант уже, — он покосился на мои петлицы. — Быстро ты.

— Медленно, — возразил я. — Я думал, быстрее будет.

Он засмеялся и тут же поморщился: от смеха, видно, тянуло бок.

— А где Федька?

Федя стоял в трёх шагах и не подходил, и по лицу было видно, что он сейчас или заревёт, или скажет какую-нибудь глупость. Вышло второе.

— Товарищ старший лейтенант! — гаркнул он. — А калач-то я не испёк!

Тарасюк повернулся.

— Это почему?

— Дак мука плохая была! Я спробовал было, не встаёт опара, хоть тресни! У нас там вода вонючая, болотная, на такой хлеб не подымается!

— А теперь?

— А теперь гляну. Тут вода, может, и получше.

* * *

С этим же пополнением пришёл Гриша. Сначала я его не заметил: он стоял с краю строя, маленький, узкий в плечах, в висевшей на нём гимнастёрке, и смотрел себе под ноги. Заметил его Федя.

— Кувалда, — он толкнул меня локтем. — Глянь вон на того, крайнего. Он же не жилец.

— Почему не жилец?

— Дак худой какой. Его ж ветром сдует.

После построения Тарасюк подошёл ко мне со списком.

— Двоих отдаю тебе, — объявил он. — На выбор, потому что ты у нас привилегированный.

— А кого дают?

— Заряжающего и второго механика, — он развернул ко мне список. — Вот, гляди: Сорокин, двадцать три года, тракторист, здоровый. И Соловьёв, восемнадцать.

— А восемнадцатилетний который?

— Вон тот, худой.

Я пошёл смотреть. Он сидел на ящике и разматывал обмотки, к которым, видно, так и не привык. Руки у него были тонкие, с длинными пальцами, и на костяшках я сразу заметил то, чего не ожидал: старые, давно зажившие пятна от обморожения.

— Ты Соловьёв?

Он вскочил.

— Так точно.

— Сядь. Ты откуда?

— Ленинград, товарищ сержант.

Вот это меня и остановило.

— Когда вывезли?

— В феврале сорок второго. По льду.

Произнёс он это ровно, без выражения, как вещь, которую повторяли уже сто раз и которая от этого стёрлась.

— Один ехал?

— С матерью, — он затянул обмотку потуже. — Мать до Кобоны доехала. Дальше нет.

Я сел рядом. Мимо ходили люди, кто-то ругался у кухни, где-то заводили машину.

— Учили на кого?

— На механика-водителя.

— Сколько часов водил?

— Двадцать два.

— Негусто, Соловьёв.

— Знаю, товарищ сержант, — признался он.

— А чего умеешь?

Он подумал.

— Ничего, наверно. Читать умею много, у меня отец в библиотеке работал.

— Это сколько же, много?

— Ну… — он смутился. — Я «Войну и мир» три раза прочёл.

— Зачем три?

— Первый раз не понял. Второй понял, но не то. А в третий уже правильно.

Восемнадцать лет, на вид килограммов тридцать девять, двадцать два часа за рычагами и три «Войны и мира».

— Пойдёшь ко мне механиком?

Он посмотрел недоверчиво.

— Так меня же никуда не возьмут.

— Это кто тебе такое наговорил?

— Да все, — пробормотал Гриша. — Слабый я. Снаряд от земли поднимаю, а до казённика не докидываю.

— А тебе и не надо докидывать. Тебе рычаги держать.

— Так они тугие, — засомневался он.

— Тугие, — согласился я. — Только берут их не силой, а вовремя. Это другое.

Он молчал.

— Ну так что?

— Товарищ сержант, а вы меня потом обратно не отдадите?

Я не сразу понял.

— Куда обратно?

— Ну… когда увидите, что я не тяну, — он смотрел в землю. — Меня уже два раза отдавали. В учебке из первого взвода в третий, а потом из третьего в хозяйственный. И каждый раз говорили, что временно.

Я дождался, пока он поднимет голову.

— Слушай, Соловьёв, и запомни. В моём экипаже никого никуда не отдают, за полгода ни разу не отдали. И если ты чего-то не умеешь, я тебя научу, а не сдам. Понял меня?

— Понял, товарищ сержант, — проговорил он после долгой паузы.

— Тогда собирай вещи и иди к двадцать третьей. Там сидит здоровый мужик и ест. Скажешь, что ты новый механик.

Гриша ушёл, а через полторы минуты от нашей машины донеслось радостное:

— Кувалда! Ты чего мне привёл

* * *

Тарасюк пришёл к нам вечером, уже затемно, когда мы сидели у машины. Сел на станину и положил левую руку на колено: он её всегда так клал, иначе мешала.

— Ну, выкладывайте, — велел он.

Мы рассказали про март, про немецкий прорыв, про то, как снимали машины с платформ, как Ситников выбил разрешение оставить двадцать третью. Про новые самоходки, про Марчука, про то, что Гуревича представили к ордену и не дали. Он слушал молча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.